

СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ

Гастроли Московского ордена Трудового Красного Знамени театра имени М. Н. Ермоловой в Минске

Минчане ждали ермоловцев с нетерпением. Богатая, разнообразная гастрольная афиша общалась любителям сценического искусства немало открытий.

Среди других названий — постановка по роману Д. Маммина-Сибиряка «Горное гнездо», спектакли «Играем Стриндберга» Ф. Дюрренматта, «Ван Гог» А. Матюше, «Стечение обстоятельств» А. Вампилова, самый выбор драматургического материала сложного, нестандартного, свидетельствовал о творческих поисках театра на путях новых поисков.

Не каждый коллектив берет с собой остроугольный и парадоксальный Швейцарский писательский современник взял на себя горючую миссию говорить людям, сколь уродила мир, в котором он живет.

«Играем Стриндберга» — одна из сложнейших пьес Дюрренматта. Она представляет собой современную пародию на произведения известного драматурга начала нынешнего века Стриндберга «Плоская смерть».

В пьесе всего три лица: муж, жена, родственник жены. У ермоловцев эти роли исполняют народный артист РСФСР В. Якут, артисты О. Фомичева,

стали. Но ни разу на этих постах, словно ждущих прикосновения кисти художника, не вспыхивают ослепляющие краски Ван Гога. Весь рассказ о нем будет вестись в холодно-отстраненном, строго очарованном пространстве с двумя-тремя фигурами в центре приподнятого круга. Этот принцип кинематожа, графическая четкость каждой мизансцены делают сценическое действие более упругим, крупные планы крепче держат внимание зрителей.

Однако преодолеть иллюзорность пьесы не удается.

И потому спектакль в первой его половине вызывает скорее познавательный интерес, чем сопереживание. Из мелькающих лиц запоминаются главные: Пастор Фриш (артист Н. Бриллинт) и Питер (С. Зайцев), на занате мизансцен усомнившись в существовании бога, Пасторалон (В. Палчашин), не самых добрых побуждений софистический Ван Гог (актер Александр Пастор), Жюльетта (артист Ю. Валочин), связанный с Винсентом мучительной для обоих дружбой. Живет женщина (В. Разинкова), девушка, одержимая мечтой о браке, встреча с которой солнечным лучом блеснула накануне в жизни

Намечен отставной навалерист Вилорев, человек напыленной эротики и вымученной нахмуренности, не проигравший в своем главном сражении — выгоды женитбы. Изобретательно и адекватно играет его артист В. Еремичев, погружая нас в мир корыстных, мелких, но жгучих страстей.

Впрочем, в том мире, где живут Вилорев, Русаков и другие герои спектакля, высоких побуждений в людях не увидишь. Та же Аудотья Максимовна, дочь Русакова (Т. Шучкина), за которой охотится отставной гусар, при ближайшем рассмотрении не так уж далеко — ушла от него. Любил скромяного молодого купца Бородинина (А. Жарков), а потом ей понравился «благородный» Вилорев. И так понравился, что Бородинина она уже видит не могла; ножкой на него стала ступать, голос поднимать. И на минуту своего голос поднимала, когда он запертый и ей думает о Вилореве. А чтобы совсем сразить отца, вырвать у него согласие на брак, в обморок надорвано упала, да не один раз. Ну, чистого Липочка из сатирической комедии «Свои люди — сочтемся».

Посмотрев на все эти лица и невольно соглашаясь с автором: ничего, кроме эпатирующего смеха, они не заслуживают. Каким-то монстром вывел здесь Островский! Но мысль эта, вероятно, обидела бы Островского. Потому что сам он искренне сострадал Аудотье Максимовне, о которой писал в одном из своих писем, что она «добрашка неопытная, воспитанная в строгих правилах, но с сердцем чувствительным и пылким». Безвкусно, беззастенчивой жертвой самодурства называл ее не раз и Н. Добролюбов.

Театр не смог совсем игнорировать этот взгляд на главную героиню пьесы. В последнем акте актриса Т. Шучкина играет Аудотью кроткой, убитой горем и позором девушкой, женой обманутой злодеем. Но зрители постигнуть такую метаморфозу трудно. Размывается ощущение, что театр играет здесь совсем другую пьесу.

Ничке редко какой театр не ставит пьес А. Островского. Он снова «модный» драматург. Такое острое эпатики: каждая поколения открывает в ней что-то свое, созвучное времени. Ермоловцы попытались и здесь сказать свое слово. Но сделали это, вступив в спор с самим драматургом.

Не все эксперименты заканчиваются победой.

К сожалению, это можно сказать о спектакле ермоловцев «Стечение обстоятельств». Он поставлен по незавершенным произведениям Александра Вампилова, молодого, талантливого писателя, рано ушедшего из жизни. Театр был первооткрывателем его драматургии. Можно понять стремление ермоловцев сохранить все из написанного Вампиловым и каждому его образу дать сценическую жизнь. В спектакле «Стечение обстоятельств» собрано шесть сцен, шесть набросков остро, талантливого пара, которое выпало из руки, на dokonчии рисунка. Чтобы как-то объединить их, сказать недосказанное слово, постановщик (он же автор композиции) главный режиссер В. Андреев взял канонично-инструментальный ансамбль, который, видимо, должен играть роль античного хора, комментатора. Почти весь спектакль звучат эстрадная музыка и пение. Но они отнюдь не объединяют драматическое действие, а отодвигают его на второй и даже третий план. Зрители уходят со спектакля-концерта (так его хочется назвать), затеявая поправившиеся песенки и совсем забыв, чего искали, чем мучились беспоконные герои Вампилова.

Судьба первооткрывателя всегда заманчива, но и трудна. У Московского театра имени М. Н. Ермоловой не только удали на этом пути. Но то, что идет в искусство непроторенной дорогой, заслуживает уважения.

Д. МАНАЕВА.

На путях непроторенных

В. Еремичев. Малый круг лиц позволяет драматургу скрупулезно, почти клинически исследовать семейные, родственные связи в современном буржуазном мире. И сколь же беспощаден его вывод! Это связи каторжников, скованных одной цепью, ненавидящих друг друга из-за невозможности порвать узы. К такому выводу приводят и спектакль (постановка талантливого режиссера народного артиста РСФСР В. Андреева).

С первых реплик чувствуется почти неприкрытая вражда мужа и жены. Люди, прожившие вместе почти четверть века, с насмешливым бросают в лицо друг другу самые злые и унижающие слова. Лишь мгновенными у кого-то из них во взгляде вспыхивает нежность, а прикосновением руки прорывается ласка. Эти мгновения — словно искры в затухающем костре. Они все реже и реже... Даже смерть одного из супругов не может их примирить.

Дюрренматт не оставляет надежды. В своей ярости и боли он непримирим к миру, где искажаются, уродуются семейные, человеческие чувства. Из это с большой силой выразили актеры.

Другой спектакль нашего города — «Ван Гог» А. Матюше по существу продолжает ту же тему.

Только здесь нестерпимую боль за несовершенство мира выпадает нести одному человеку — Винсенту Ван Гогу, знаменитому художнику, которого играет молодой актер А. Жарков. Правда, в спектакле, кроме него, — масса народа. Но остальные исполняют лишь иллюстрируют некие-то моменты биографии главного героя.

Пьесе Матюше «Ван Гог» можно назвать скорее историческую страничку биографии великого живописца. Она лишена драматургического действия, особенно в первой половине. Мелькают лица, города, годы. Главный герой лишь прислушивается, глядя на происходящее. Только в конце пьесы, когда внимание с внешней событий переносится на внутреннюю жизнь героя и возникает его конфликт с обществом и самим собой, — только тогда открывается истинная трагедия талантливого художника.

Театр попытается преодолеть недостатки литературного материала. Постановщик — режиссер из ГДР Петер Зодан и его коллеги художник Юрген Мюллер все внимание сосредоточили на людях, на лицах. Почти отказавшись от бытовых деталей. Они оставили сцену пустой, только затянули ее с трех сторон своими хол-

одинокого художника.

И только когда на сцене появляется подлинный Ван Гог, как в эпизоде стилизации шахтерских нем в поминки, или в картине, где разъяренная толпа обывателей хлещет Ван Гога и, избивая, тащит его в сумасшедший дом, зрительный зал мгновенно отключается наприжиманным, сосредоточенным вниманием.

Крайне трудна в этом спектакле роль Ван Гога. Как раскрыть мятущуюся душу художника, если драматург обречает его в основном на пассивное созерцание того, что происходит вокруг? Молодой актер А. Жарков отважился показать, как все ужасное и уродливое находило отклик в душе Ван Гога, как в ней что-то накапливалось, вырывалось. Этот процесс идет по возрастающей от первых сомнений к яростному бунту, отчаянию, сжигающему самого художника. Впечатляюще проводит актер последние сцены, где поиски художником смысла жизни и творчества достигают такого нестерпимого напряжения, за которым начинается помутнение разума. С искаженным мучкой и ужасом лицом Ван Гог остается один на сцене, чтобы через секунду рухнуть, раскинув руки. И только музыка (композитор А. Артемьев) будет петь над ним ревнем, музыкой, которая в продолжение всего спектакля была как бы голосом этого мятущегося, трагического гения.

Стремление театра имени М. Н. Ермоловой идти своей дорогой видно не только в выборе пьес, которые до него редко или совсем не ставились, но и в трактовке широко известных произведений. Примером тому может служить спектакль по пьесе А. Островского «Не в свои сани не садись». Режиссер В. Андреев и художник А. Окунь решили усилить сатирическое звучание этой комедии.

Само оформление спектакля говорит об ироническом отношении театра к миру и людям, которых он изображает. Сцену обрамляет арка с пузатыми колоннами. Пузатый носом, пузатые самовары, мелкие картины по стенам. Высокопарный на авансцену транзитный слуга (артист Ю. Голышев) и ироничный, коварным тоном рассказывает об обитателях транзитра и города. Потом один за другим перед нами пройдут эти персонажи. Деспотичный, бесцеремонный Русаков, первый Нулец города (И. Макаев), важно хаживающий и сутяжливый транзитра. Малообразный (Ю. Медведев), его иронизировал и спускал жена Аня Антоновна (Г. Гудина), тугой чиновник Варичевский (С. Присаляков).